

ЛЮДВИК АШКЕНАЗИ

Ludvik Askenazy

черная шкатулка

Cerna bedynka

напевы

баллады

романы

перевод с чешского Максима Реллиба

АРТИЯ 1966

содержание

вступление
крик
доброе утро!
решетка
вопросы
кто ты?
мудрые изречения
радио
игра
солнышко
дороги
герр профессор
ну и что ж?..
оккупация
протезы
дыши, дыши!
барашек
некролог
манекен
баллада о письмоносце
смерть
шепот
стена
букет
первый день
коляска
военный оркестр
роса
новые отношения
маска
нагасаки
базары
утренник
ожерелье
сны
женщины
босая
глаз

руки
милый боже
деньги
телефон
блюз о квартплате
женатый
мужчины
блюз о кофейной гуще
пара
краса
марихуана
проданная невеста
сигарета
очередь за счастьем
роман
прошу прощения
судьба
правда
ладонь
картинки
пророк
коммуникации
памятник
старое доброе время
сотворение мира
голубые глаза
съезд
земля!

однажды я...

Однажды я встретил худенькую, темноволосую девушку.
Я знаю ее давно, она выглядит, точно мудрая ирландская колли.
В руках она держала черную шкатулку, перевязанную тесемкой.
— Вместо сумочки я ношу с собой весь свет, — сказала она.
И пояснила: — Это мой конек. У каждого из нас свой конек...
Я пригласил ее в кафе высоко над Прагой,
и там она раскрыла черную шкатулку.
В ней оказались фотографии. Ничего, кроме фотографий.
Женщина, и стена, и негритянская мадонна.
Еврей, выбирающийся из люка на варшавскую мостовую.
И немец, который чистит пулемет.
И старичок-китаец, который впервые в жизни едет поездом.
И дети.
Это было через неделю после того, как человек впервые
преодолеет земное притяжение,
а другой в это время, осторожно нащупывая дорогу,
спускался в глубины ядра.
Искусственная плазма еще не была получена,
но, напрягшись, человеческое ухо могло услышать,
как протекают струйки влаги, питающие корни жизни.
Над головой у нас был пестрый зонтик, защищающий от солнца,
под нами — Прага, тонущая в его лучах.
А черную шкатулку доверху заполняли лица.

Лицо за лицом, и все смотрели прямо в глаза.
То были лица наших братьев, наших товарищей.
Лица, увековеченные светом и вместе с тем пронизанные тьмой,
лица с глазами, распахнутыми настежь, точно окно, за которым
кто-то умер,
с опущенными уголками рта, с морщиной,
не желающей смириться,
лики святых, наемников, замученных, тюремщиков,
судьбы в потоке света и тени,
черно-белые баллады.
— Как страшно, — сказал я девушке, — кричат эти глаза!
Как страшно, — сказал я ей, — что их уста молчат...

— Возьмите их к себе, — сказала девушка, —
возьмите их к себе, они и так без крова,
растопите печку — или у вас центральное отопление? —
и разговаривайте с ними ночью, только, ради бога, тихо,
они не переносят шума.

— Я должен перекричать канонаду! — сказал я ей. —
На земле все время не стихает стрельба...

— Что ж, делайте, как знаете, — ответила девушка, поднялась и
ушла,

сама точно баллада, вся в черном и белом.

Единственная из шкатулки, которая могла уйти
и не осталась у меня.

крик

Человек родился и сразу —
в крик.
Никто его не понимает,
но все ему рады.
— А вот и я! — кричит человек.
Я жить пришел!
Я, случайно, не ошибся адресом?
Родился у добрых людей?
В удачном веке?
Вы, между прочим, не воюете?
И отменили рабство?
Цвет моей кожи
вас устраивает?
Анкетные данные
подходят?
Дышать позволите?
И на том спасибо.

доброе утро!

Доброе утро, сыночек! Сейчас мы раздвинем занавески
и пустим к тебе в комнату солнышко.

Сегодня хороший день. Пасмурную погоду обещают к вечеру,
переменную облачность — завтра к утру. Мощный циклон,
возникший над Гибридами,
на этот раз пройдет стороной.

На столе тебя ждет желтый букетик и каша из "геркулеса".
Твой друг Петрушка уже завтракает.

Солнечный зайчик будет на том же углу стола, что и вчера.

К сожалению, как и вчера, его нельзя будет поймать.

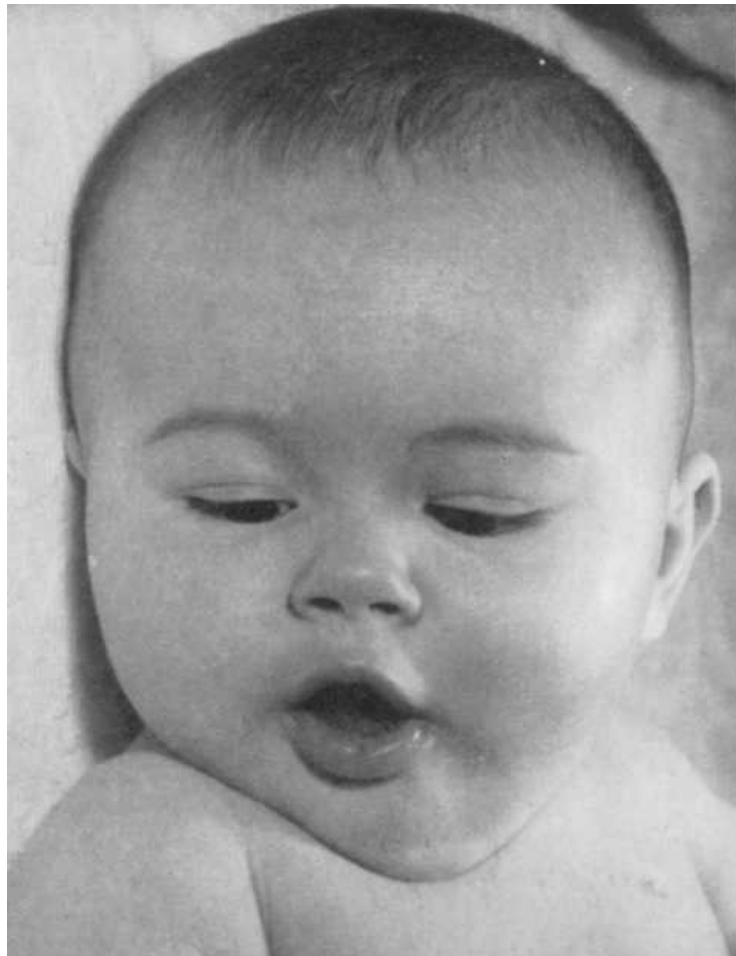
Вон то круглое красное блестящее называется помидор.

Этого ты еще не знаешь, правда?

Вон то круглое синее блестящее называется глобус.

И этого ты еще не знаешь, верно?

Ну, вставай!

решетка

Целый год должен пройти,
целый год,
пока человек обнаружит,
что сеть — это не то, что земля или небо,
что ее придумали, сплели из тонкой бечевы
и повесили на двух крючках.
Боже мой, подумаешь!
Однажды человек сбросит свою первую решетку
и раскорячит ножки, улыбаясь от уха к уху
и ни за что не держась...
С этого дня мама начнет за него бояться.
И уже больше никогда не перестанет...

вопросы

Самое ужасное, пани, когда дети
начинают спрашивать,
самое ужасное, когда дети
спрашивают:
почему, и что, и когда, и кто?
И опять — почему?
Самое ужасное, когда они уставятся на вас
своими чистыми глазами, пани,
черными, или зелеными с точечкой,
или синими — такими синими,
что впору захлебнуться.
И глядят на вас снизу вверх.
И все они родились до войны, пани,
в войну, пани,
или после войны.

кто ты?

Как мне хочется поговорить с тобою, Рыбка.

Можно, я буду называть тебя Рыбочкой, да?

Вот и славно, моя Рыбка.

Я так хочу поговорить с тобою, Рыбка...

Как мне хочется услышать, когда ты уже скажешь:

трава, вода, лепешка...

А я спрошу тебя, Рыбочка: „Кем ты станешь?“ Спрошу:

"Кто ты? Кто ты, мой неизвестный, мой гость, моя радость?"

Неужели ты станешь обыкновенным мужичицей,

от которого разит войною, злобой и рисовой водкой?

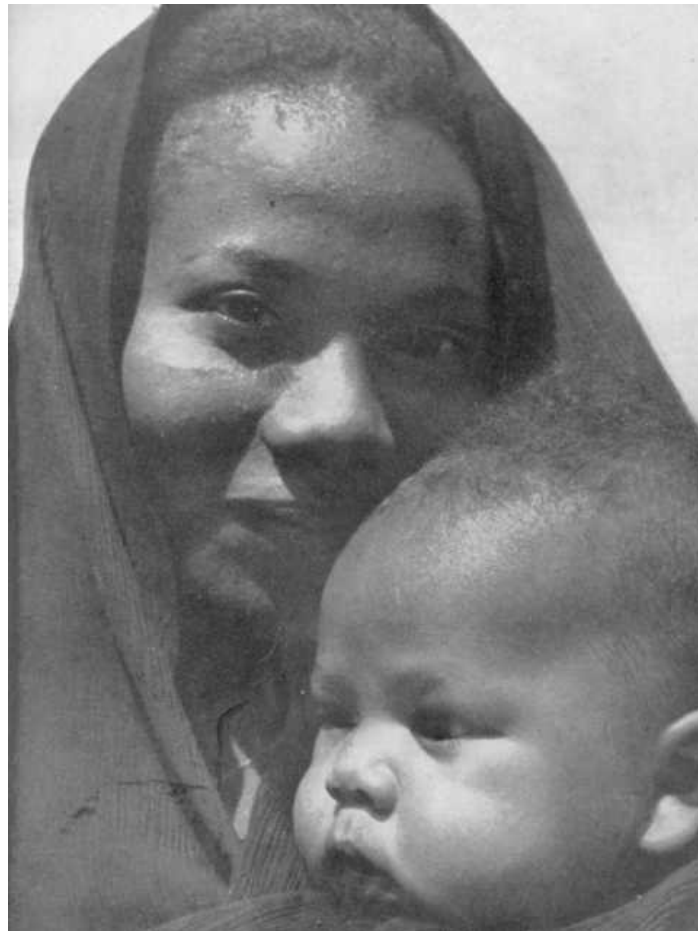
Казармами для резервистов? Выплюнутой кровью?

Неужели наступит время, и ты тоже кому-нибудь скажешь

испытым сильным голосом: — А ну катись, ублюдок, пока не выбил зубы!..

Кто ты, Рыбка? Немая золотая рыбка,

которая с меня не сводит раскосых глаз моей любви?

мудрые изречения

В один прекрасный день человек узнаёт, что он представляет поколение. Начинает носить ковбойку или „конский хвост“, или томик Рембо, или золотой крестик, или шляпу с широкой лентой, или гитару и кеды.

Отец нас не понимает, он — другого поколения.

Отец считает, что надо рано ложиться и вовремя вставать.

Кто раньше встает, больше берет.

В знании — сила.

Без труда не вытащишь и рыбку из пруда.

Любовь зла...

От добра добра не ищут...

Как аукнется, так и откликнется...

Сколько веревочке ни виться...

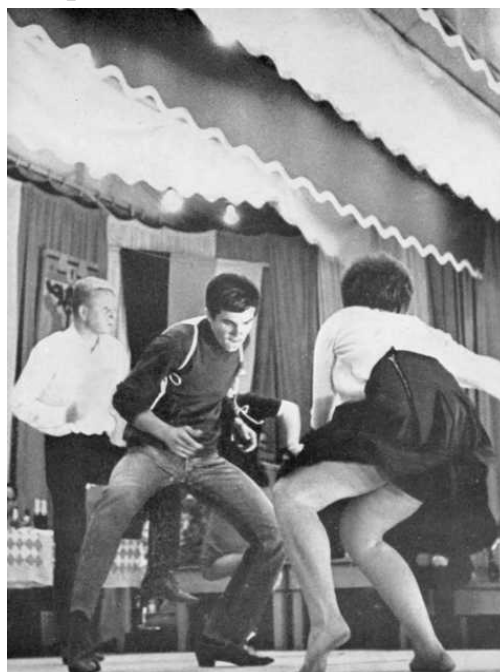
Не рой яму другому...

И „не высовывайтесь из окна“, и „не разговаривайте с водителем“, и не встречайтесь с незнакомыми мужчинами.

И вообще глядите в оба. Ясно?!

Каждое новое поколение могло бы вступить в жизнь, вооруженное до зубов опытом родного отца и деда.

Но оно всякий раз хочет все испытать с самого начала.

радио

На земле нет радиостанции,
которая бы передавала
надежды и страхи бессонной ночи,
голову, взметнувшуюся над подушкой,
босые ноги, опускающиеся на холодный пол,
жаркий ночной шепот,
скрип двери, щелчок выключаемого ночника,
вопросы, обращенные во мрак за окном:
Когда ты вернешься? Где ты?
Почему ты не ешь? Что с тобой?
У радио своя программа:
духовая музыка, потом „Героическая“
и снова духовой оркестр.

игра

Больше всего на свете люди обожают играть в шарики — глиняные, стеклянные, серебряные, золотые...

Больше всего на свете люди обожают играть с шариком в стволе — ведь и пуля прежде была круглой.

Ну, а затем с большим шаром, на котором мы живем — по сути дела без квартплаты и домохозяина.

Он необыкновенно терпелив, этот шар, добрый и снисходительный, точно старая кобыла к детям.

Возит нас на себе

и делает все, что может,

чтобы мы не свалились.

Так будем держаться, дети!

солнышко

Дети — создания маленькие и любят все уменьшительное.
Чтобы казаться больше, каждый ребенок хочет чего-то совсем крошечного.

Солнце дети называют солнышком,
и это так трогательно:

одно солнечное пятно во много раз больше,
чем вся наша смешная планета.

Однажды одна японская девочка посмотрела в небо и сказала:
— Мама, смотри! Грибочек!

дороги

Не знаю: это уже случилось? Или только случится?
Был один человек, который думал, что все дороги ведут
в Рим. Один из многих справедливых, что живут среди нас
и пословицы понимают не образно, а буквально.
И вот он шел и шел, а в Рим никак не мог попасть.
И все же верил, что дороги созданы для того,
чтобы прийти туда, куда захочешь.
И вот он шел и шел, но каждый раз оказывался там,
где вовсе не хотел быть.
Уж и не знал бедняга, что делать...
Однажды в одной свежееккупированной стране он вышел из
строя,
брякнул оземь каску, вылил ром из походной фляги,
низко поклонился женщине, что стояла рядом,
и помог ей нести ребенка, и сказал:
— Простите, сударыня, но то, что я здесь —
это по недоразумению. Вы бы не могли посмотреть на меня
хоть чуточку приветливей? Между прочим,
я ведь хотел в Рим. И без винтовки...
Эта история могла окончиться грандиозным международным
скандалом.
К счастью командир взвода сержант Цайтгаммель сразу же
нашелся
и вовремя выстрелил, и срочно велел закопать труп.
И все были дико злы за ром, вылитый на дорогу.

герр профессор

Что за чертовщина, почему это мой пулемет не стреляет?

Вчера я его начистил до блеска, весь промазал,
и утром он стрелял, точно соловей, пускающий трели.

Что за ерунда? Ну и жизнь!

Полевая почта не работает, повар ворует, а тут еще
этот дурацкий пулемет.

Это все проклятые оружейники, даже не дадут пострелять
как следует.

Ужасно люблю палить из пулемета. Сразу вспоминаю,
как поливал наш сад.

Человек, он тоже вроде цветка.

Его тоже можно полить. Свинцом.

Наконец-то! Заработал!

ну и что ж?..

Жил-был один швейцарец.
Вот чудак — математик.
На электронной машине
он подсчитал,
что за последних
5 559 лет
было 14 513 войн,
в которых погибло
31,4 миллиарда человек.
Оказалось,
что он не учел:
двух евреев, пять армян,
шесть кочующих цыган,
десять сартов, семь парфян,
триста тридцать шесть римлян,
сто без имени солдат,
шесть внебрачных цезарят,
лонгобардского барона,
треть от войска фараона,
двадцать восемь сарацинов,
тридцать восемь капуцинов,
таборитку, мушкетера,
гугенота, гренадера,
восемнадцать бомбардиров,
двадцать тысяч мародеров,
двести тысяч дезертиров,
сто путчистов,
двух танкистов,
пять матросов с Гибралтара,
да еще гражданских пара.
Ну и что ж?..

оккупация

Дорогой мой потомок, еще не появившийся на свет,
сейчас я тебе объясню, что означала оккупация.
Они нахлынули в фургонах, грузовиках и танках;
с неба спустилось несколько тысяч отборных
дюжих молодчиков. Их парашюты были из шелка,
из которого выходят такие красивые шуршащие блузочки.
Генерал посмотрел в бинокль и отдал приказ:
— Земля эта, молоком и медом изобилующая,
впредь до особого распоряжения изымается! Молоко —
на переработку, мед в интендантство,
оружие сдать в ратушу, евреев — на стадион,
регистрация рабочей силы производится в школах.
Полы выскоблить, винные погреба открыть,
сменить постельное белье.
И объявляю чрезвычайное положение!

Между тем господа офицеры с оккупированных балконов
любовались закатом солнца.
И поздравляли друг друга, говоря:
— Как мы могли забыть эту прекрасную страну в своих
военных планах?! Клянусь, она того не заслужила!

протезы

Это меня под Смоленском так,
и Фриц еще спросил: — Эй, Ганс, где твоя нога?
Глянь-ка, вон та штука — это не твоя нога,
тот черный обрубок на белом снегу?
Ладно, говорит, но где же тогда вторая?
Чудак-человек, от тебя обалдеешь,
твои ноги разлетелись на север и на юг!
Хочешь капельку теплого супа?
Потом он сходил за железной ложкой,
что торчала за голенищем моей ноги,
и кормил меня, как родная мать,
и белые снежные пушинки падали между нами.
— Ганс, — сказал он, — не плачь, старина,
ноги теперь совсем не играют роли,
и, между прочим, Ганс, протез никогда не будет болеть.
А я ему говорю: — Куда она идет, эта нога?
Глянь-ка, Фриц, как она марширует!
Ты уже видел когда-нибудь такое?!
Может, она обиделась?
Эй, нога! Halt! Я не хотел тебя обидеть...
Она уже теряется вдали, в синеющих сугробах.
Этот снег, Фриц, отчего он лежит такими волнами?
Крикни ей: „Нога-а, Halt! Кругом!“
Может, тебя она послушается. Меня она слушалась всегда,
а теперь вот рассердилась.

дыши, дыши!

Так вылезай, осторожно, не торопись, не бойся,
сдалась тебе эта канализация!

Канализация — для крыс, а не для такого красивого жидочка, как ты.

Дыши, дыши!

Легкие у тебя хорошие?

Такой красивый парень, а прячется в канализации...

Как тебя зовут? Коган или Кац? Или Хаймович?

Дыши, дыши,

еще немножко можешь подышать.

барашек

Ты еще не умеешь ходить?
Говорить умеешь? А ходить нет?
Я тебя научу.
Смотри, как надо ходить.

В субботу нам уже шагать в трубу,
в которой немцы сделают из нас барашков.
Посмотри вверх. Видишь, вон... маленькое, розовое!
То облачко, что убегает вдаль...
Это мой товарищ Яша Винер. Он уже не живет.

Ты что плачешь? Хочешь стать барашком? Вон там, высоко-
высоко!
Но что с тобой делать, когда ты не умеешь ходить?

Ладно, не плачь, я тебя научу, чтобы в субботу
ты сам дотопал.

Начальник лагеря говорил: „Эй вы, большие дурни,
вы должны быть этим маленьким балбесам
вместо тателе и мамеле!
Зарубите себе на носу, вы, большие балбесы!"

некролог маленького Давида

Никто и не заметил, что в прошлую войну среди пропавших без вести был мальчик по имени Давид.

Его последний вопрос был: — Скажите, господин учитель, от чего происходит слово „гетто"? Не от Гёте?

манекен

Одною летней ночью,
которая отдавала гарью, бензином
и спекшейся кровью,
после налета остались двое:
человек и манекен.

Манекен был из мягкого дерева,
человек — из кислорода, водорода, кальция,
воспоминаний, страха, голода,
из забытой любви,
из мужчины и женщины,
бывших в нем.

Человек наткнулся на манекен
и похлопал его по плечу.

— Здорово, кукла! — сказал он. —

Мы тут с тобой одни в этой большой витрине,
перед которой никто не стоит.

До чего я тебе завидую, кукла,
что у тебя не мозги под шляпой!

баллада о письмоносеце

9 мая 1945 года
нашего летоисчисления
письмоносец Аугуст Матушка
пришел на улицу Иммануила Канта
и обнаружил, что ее уже не существует.
Только табличка с названием осталась,
немного закоптелых стен
и, конечно, черные проемы от окон,
и, конечно, калитка, которая теперь не вела никуда,
и, конечно, катушка черных ниток,
и, конечно, ленточка из чьих-то волос,
и мельчайший пепел, пепел,
конечно, пепел.
К счастью, Аугуст Матушка нес сюда всего одно,
одно-единственное письмо
для Агнес Вагнер, дом № 114
по улице Иммануила Канта.
И даже не письмо —
листок полевой почты.
„Вручить я его не могу, — сказал себе А. Матушка,
но и написать «Адресат неизвестен» не могу тоже:
здесь лежит ботинок адресата".
И тогда он воскликнул:
— Агнес Вагнер, фрейлейн!
Вам письмо с русского фронта!
И сунул его в ботинок,
этот маленький почтовый служащий,
кажется самого младшего чина.
А что ваш письмоносец,
он тоже такой исполнительный?

смерть

Одна немецкая рота стояла на передовой так долго,
что у нее на Восточном фронте
был самый шикарный бункер.
Смерть, и та туда ходила греться.
И всегда просила ей поставить
одну и ту же граммофонную пластинку —
песню ландскнехтов, что они певали давным-давно,
еще в Тридцатилетнюю войну.
Она тогда была немного влюблена,
и когда слушала этот напев старинный,
всегда от наслажденья голову склоняла.
Бесстрашный капитан Курцбюндиг, что был в той роте
командиром,
охотно выделял ей порцию из офицерского котла.
А Смерть же молчаливо подтверждала
их джентльменский уговор:
ни одного убитого из роты капитана!
Но вот однажды ночью из дозора примчался
с головы до ног запорошенный снегом
молоденький солдатик Вагнер,
подобный ледяной сосульке, упавшей наземь с крыши.

— Что за вид?! — заорал капитан Курцбюндиг. —
И так вы хотите вступить в Москву?
Кем вы были до призыва? Пиликали на скрипке, да?
Болван!
— Герр Гауптман, — доложил командиру Вагнер, —
сейчас я видел Смерть.
Она меня поманила пальцем и сказала:
„Подойди ко мне, дружок, мой маленький музыкантик!“

— Хорошо, — сказал Курцбюндиг, —
не хочешь на парад в Москву, не надо.
Пошлю тебя с посылкой к моей жене Эльфриде —
город Нюрнберг, улица Ганса Закса, номер 16а.
Отвезешь ей икону и сало. Получишь отпуск

по семейным обстоятельствам.

И стало так.

В тот вечер капитан Курцбюндиг на свою гостью немного дулся.

— Что это с вами? — спросила Смерть. — Похоже, сегодня вы не в духе, капитан...

Поставьте-ка пластинку!

— Послушайте, — сказал ей ротный, — не грозите своим костлявым пальцем моим солдатам, дорогая!

А то у них пошаливают нервы, и тогда они точно сосульки, впопыхах сбежавшие с позиций.

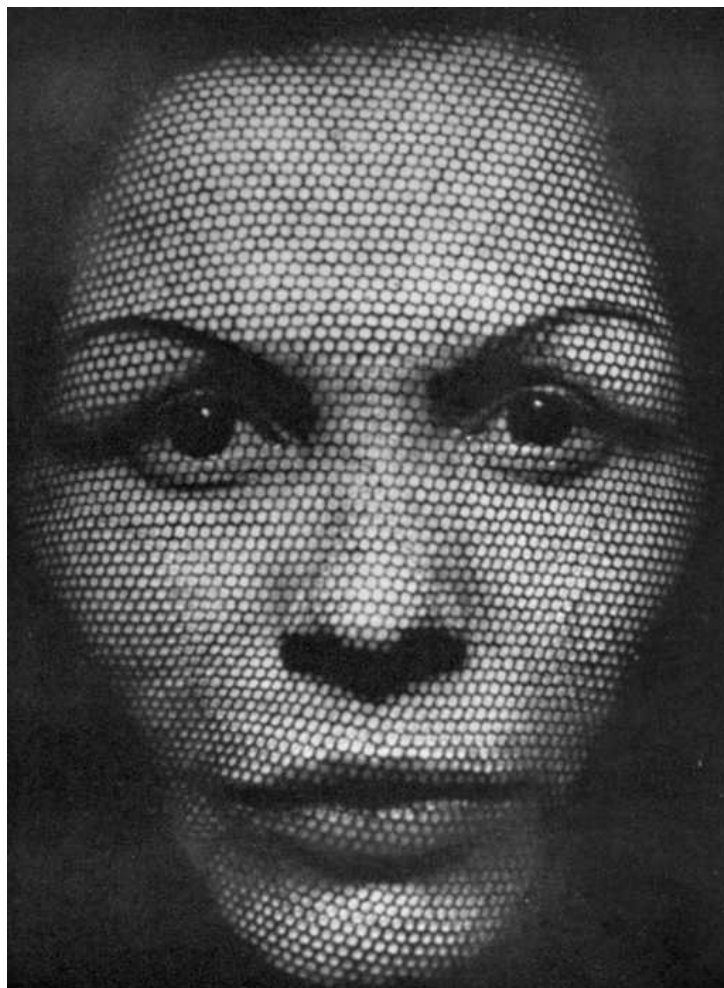
— Ах, — сказала Смерть, — это вы, верно, о маленьком Вагнере?

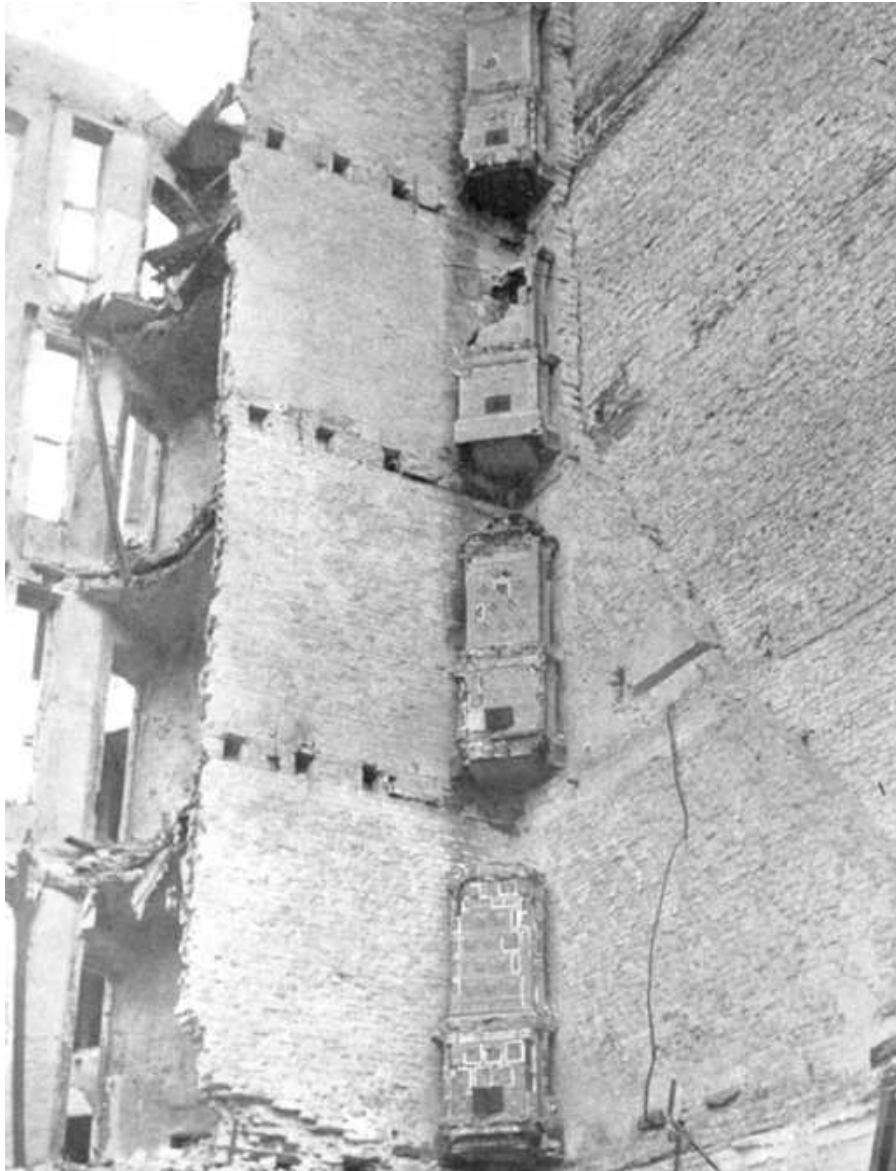
Я ведь только хотела, чтобы он мне немного сыграл на скрипке...

Кстати, а почему он здесь,

когда на следующей неделе я должна прийти за ним по адресу:

город Нюрнберг, улица Ганса Закса, номер 16а?

шепот

Я слышал шипение огня догорающих городов.
Казалось, растрещались соседки,
повстречавшиеся на городской площади.
А тем временем в рамах лопались стекла,
то была агония огня.
Я слышал, как города разговаривали, а один городок
что-то шептал. Городок Чугуев недалеко от Харькова.
Еще сейчас я слышу скрип дверей на ветру,
звон разбитого бокала,
низкий аккорд рояля,
сдерживаемый смех, оборвавшийся посередине,
особый женский смех, рожденный неистовою лаской.
Это огонь насмешливо повторял
последние слова пустого города.
Потом остались только окна,
черные провалы в стене,
и ветер гудел,
швыряя в них дождь и снег,
опавшие листья, гонимые по земле семена и черную пыль.
Я слышал шепот умирающего города.
С тех пор меня страшит шепот,
доносящийся из тьмы.

стена

В одном храме выложили стену необычной мозаикой.

Из букв, цифр и крестиков.

То была мозаика из имен и фамилий,
из Адамов, Яковов, Циль и Давидов,
из Эмилей, Соломонов, Иосифов, Рахилей,
словом: из евреев.

И у всех был один надгробный камень,
холодный, гладкий, с тонкими прожилками.

И ни одного цветка возле них,
и не цвели здесь плакучие ивы,
и никто не ходил по тропинкам
с лейкой. Да и к чему поливать из лейки буквы?

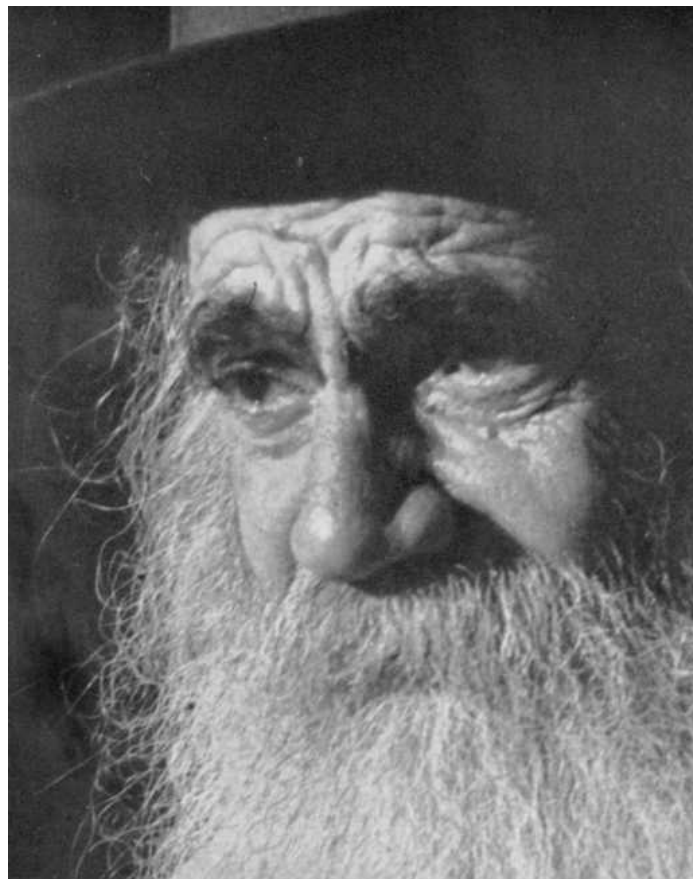
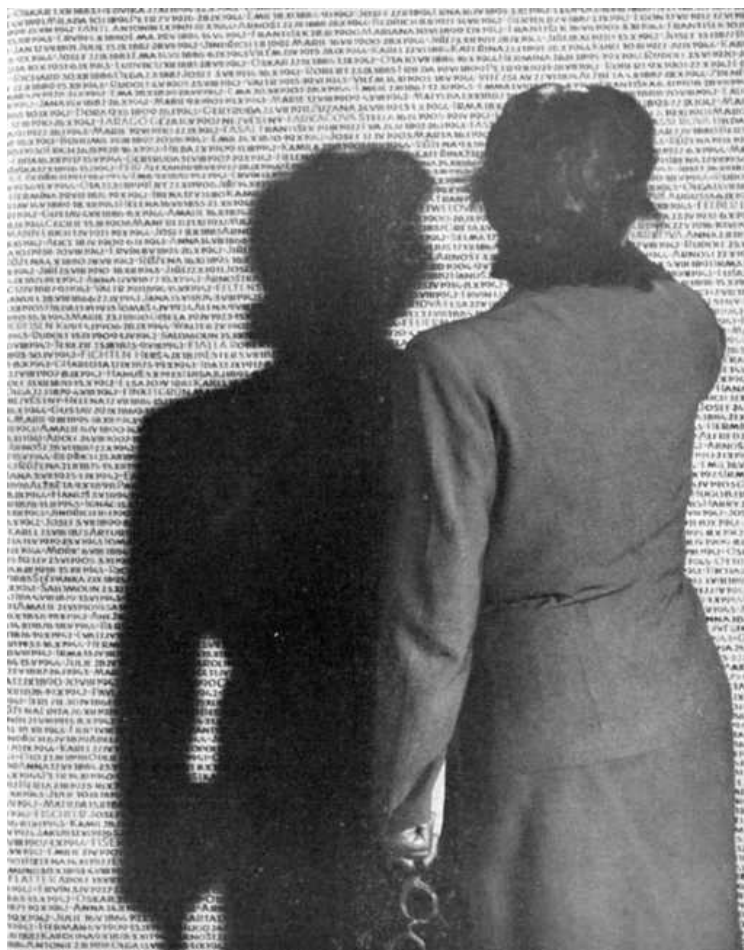
Несколько раз сюда приходила женщина
и все искала на стене свое имя.

Мы ей говорили:

— Верно, вы ошибаетесь, пани,
вы еще живы.

Смотрите, пани, у вас в кошелке свежая капуста!
Но она водила по стенке маленьким,
почти детским пальчиком,
и продолжала искать свое имя.

— Нет, нет, — говорила она при этом, —
я тоже должна быть где-то здесь,
между Львом и Иосифом.

букет

Я тебе говорила, Ваня:
не ходи туда.
Я говорила:
не стоит,
вчера подписали капитуляцию.
Но разве живой парень девку послушает?
А мертвый с ней и подавно разговоров не ведет.
Вот видишь,
глупый...
Эти цветы могли быть
на нашей свадьбе.

первый день

Лучше всего спится сразу после войны.
Перед войной на душе беспокойно. Будет? Не будет?
Откроешь окно. Над городом мечутся щупальца прожекторов.
И под дождем, не ведая куда, идут грузовики.
Кто-то разоряется по радио, а в перерывах играют марши.
В сейфах, в тройных засургученных пакетах, наготове планы мобилизации.
Что-то тебя пробуждает; все кажется, что разжигают небеса...
В войну тоже недоспишь. Обязательно что-нибудь стрясется.
Залает пулемет, ухнет мина, кусанет вошь.
А то кашу не подвезут, воды в окопе по колено. Или еще:
артподготовка. От нее тоже проснешься.
А когда выдастся полная, совсем безмолвная тишина,
тут тебе вдруг оторвет ногу. И опять пропал сон.
Не удивляйтесь, пожалуйста. Всю жизнь жил с двумя и вдруг
на тебе: одной как не бывало! Тут уж не заснешь просто с
непривычки.
Лучше всего спится в первый день, когда кончится война.
Соловьи, и те вас не разбудят.
Штатские в такой день сбиваются с ног,
а солдат завалится, где придется. Лишь бы над ухом
не звонил будильник. И еще не будил солдата телефон.
А видит он во сне друзей, которые заснули, чтобы никогда
не проснуться.
О них ему снится больше всего.
В первый день после войны не очень-то хочется просыпаться.
Проснешься и не знаешь: смеяться, что все это
пережил и выжил. Или плакать?

коляска 1945

Она не знала, как называется эта немецкая улица,
но все же остановилась и вышла из машины.

На тротуаре одиноко застыла брошенная коляска.

Старомодная, черная, на высоких колесах.

— Не стану заглядывать в нее, — сказала она себе, —
не загляну. Он бы испугался.

Да и что мне ему сказать, когда я не знаю по-немецки?!

Могу только сказать:

„Ду!“

И еще:

„Хенде хох!“

Но это не то. А ручки он все равно поднять не сможет,
они у него, верно, запеленованы.

Но я попробую. Я ему скажу:

„Ду! Тебе будет двадцать! Ду много кушать. Ду иметь много
детей.

Ду лебен... Ты жить, ты другим жить давать.

Ты — малыш, ты — киндер!“

И все это ему сказала.

Коляска не ответила. Под ясно-голубой перинкой в ней лежал
фаустпатрон.

военный оркестр

Кто его знает: это было или только будет?
С последней войны возвращался последний военный оркестр.
Три геликона, три баритона, литавры, барабан
и одна внештатная флейта.
За ними шел последний,
единственный капрал запаса.
И все старался идти в ногу.
Но с кем?
Капрал нес свернутое знамя, которое изъела
атомная пыль.
То было первое светящееся знамя на земле,
но дело было днем, и этого никто не видел.
„Ах, мейн гот, — причитал капрал. — Такой оркестр,
и ни одного мальчишки, бегущего следом..."

роса

Утро, мы с тобой так любили утро...
Пурпурная тень, нависшая над садом,
расходилась в стороны, точно старый занавес.
А капустниц, сколько тут налетало капустниц!
А сколько солнца — пить его захлеб!..
Мы с тобой, сын, ходили босиком
и плыли по мягкой траве, точно лодки;
зеленые волны, весенняя буря
заигрывала с нами и уносила все дальше и дальше.
Зеленые волны нескошенной травы,
море муравьев, кузнечиков, цикад,
и мы с тобою говорили, как восхитительно
стрекочет мир,
и говорили, что земля поет.
А ты, я помню, спрашивал меня, кто ночью плакал здесь,
что на листе осталось
столько слез.

новые отношения

Это случилось в маленьком захудалом кинотеатре
в одном городишке через месяц после войны.
Показывали кинохронику первых дней мира в Европе.
На экране был фельдмаршал Кейтель,
покидающий зал, где подписали капитуляцию,
и вокруг сверкали молнии — правда не от бога,
а от журналистов.
Помню яркий, слепящий фейерверк
на Трафальгар-сквер в Лондоне,
и вдруг в Москве и тотчас же в Нью-Йорке,
высокими струями била вода из фонтанов,
небо пламенело от радости,
Триумфальная арка в Париже была освещена дюжиной
прожекторов,
чужие люди целовались страстно, точно влюбленные,
и все это под звуки чешской польки,
которая прославилась в ту страшную войну.
И тут одна женщина, сидевшая за мной, сказала
своему мужу:
— Уж и война кончилась,
мог бы меня перестать колотить, старый!

маска

— Месье, — молвила дама мило, —
я поднимаю этот бокал за вашу прелестную маску!
Она чудо как хороша. Уже пробило полночь,
вы не можете ее снять?
— Не могу, — ответствовала маска.

нагасаки

Мой сынуля усталый,
не на радость рожденный,
чуть отравленный, изможденный,
мой худышка зеленый.
Молоко тобой недопитое,
молоко мое ядовитое,
мое солнышко, мой худышка,
ты в мечтах у меня, малышка,
мне судьбою приговоренный,
без суда осужденный.
Мой рябенький, мой слабенький,
мой маленький, мой сладенький,
выпей чуточку, хоть слезиночку,
еще капельку, хоть росиночку.
Мой худышка зеленый,
чуть отравленный, изможденный,
мой сынуля усталый,
не на радость рожденный.

базары

Когда-то давным-давно собралась компания пожилых дам
То было в Новое время, потому что в средние века
дамы были заняты другим: поясами невинности
и ожиданием своих окольчуженных супругов.

Итак, в одной компании собралось несколько пожилых дам.
Это было на празднестве в саду, именуемом по-английски
„гарден-парти", не то на утреннике,
не то в кафе „Кренцхен".

И одна из дам сказала:

— Послушайте, дорогая,
я встретила нищего и дала ему полкроны.

Целый день после этого
я не могла забыть его синих глаз —
так благодарно он взглянул на меня!

— Душенька, — сказала вторая дама, —
вы не знаете, где он живет?

Быть может, я бы дала ему крону...

Но дама не знала, где живет нищий.

Больше она его не встречала ни на Пикадилли,
ни в Кенсингтоне,

ни в одном из других кварталов Лондона.

Не бывал он и в Биаррице, Баден-Бадене
или на худой конец во Франтишковых Лазнях.

Видимо, эта полукрона все же не помогла ему
составить состояние.

Тогда добрейшая леди нанесла визит ясновидице,
прославленной мадам Дюмер.

— Ма шер, — сказала она ей, — взгляните в свой хрустальный
шар,

или пусть вместо вас посмотрит ваш кот,

и когда вы увидите нищего с благодарными синими глазами,

идущего по улице и безмятежно насвистывающего веселенький
мотивчик,

скажите мне его адрес.

— Его я вижу, — сказала прославленная мадам Дюмер. — Но у
него нет адреса.

Тогда в экипаже на мягких рессорах
наша дама поехала к своей подруге
и за чашкой чая, который пышными кустами
растет на склонах индийских гор,
сказала:

— Послушайте, душенька, —
давайте соберем всех бедных из города и предместий
и каждого на рождество оделим
хорошей порцией индейки.

Она надеялась, что среди них окажется и тот,
кого она хотела одарить
не только порцией индейки,
но и кусочком торта,
праздничным кексом, пудингом
и многими другими яствами.

Но он не пришел.

С того времени стали устраивать
благотворительные базары.

утренник

Быть поэтом, право же, нелегко.
В конце концов так и останешься непонятым.
На одном литературном утреннике заснула
пятидесятидвухлетняя студентка философии,
которая понадеялась, что в зале будет натоплено.
И впрямь было.
А что же поэт?
Что поэзия?
Душа?
Мечты?

ожерелье

Одна молодая женщина смотрелась в воды зеленого озера,
то озеро было кристально чистым, горным,
и женщине казалось, что она слишком нага
даже для воды.

Тогда она сплела себе ожерелье
из ромашек позднего плиоцена.

Мужчины, разумеется, не обратили на это внимания,
они слишком уставали от охоты и любви,
которая и в те времена была
столь же утомительной, как ныне.

Но женщины в пещерах
разглядели ее всю целиком, с головы до пят.

— Ишь ты, — сказали они. — Такого у нас нет.

Что это на тебе, ты, вертихвостка?!

Ожерелье? Мы бы это никогда на себя не надели.

Боже, у нее ни капельки вкуса!

На следующее утро на лугу у озера
не осталось ни одной ромашки.

Потом ожерелья делали из ракушек,
из бронзовых кружочков и омытой морем гальки,
из ядовитых смарагдов, черных жемчужин,
из бриллиантов, охлаждающих, как высокогорный ледник.

Чем дороже были женщины,
тем дороже становились их ожерелья.

А вот мужчины придумали для себя лишь одно —
из железа.

Когда оно им надоедает,
они надевают его на женщину.

сны

Не будите женщин слишком рано.
Под утро им снятся самые сладкие сны.

женщины

Есть только две категории женщин, дорогая:
женщины ждущие и те, которых ждут.
Если бы мысли было слышно, дорогая,
улицы бы задыхались в женском крике,
молящем о любви, дорогая, молящем о любви...
Так что на самом деле все женщины ждут. Правда?
И те, которых ждут.

босая

Ей послышался звук автомобильного клаксона, и она выглянула из своего окна в новом доме с фасадом из алюминия.

„Эй, кто вы, что позволяете себе такое? Не люблю, когда меня зовут гудком автомобиля!"

Большое сверкающее окно машины опустилось, и раздалась музыка, но словно не по радио, а как из старинных часов с музыкальным механизмом.

„Это вы бросьте, да, — сказала она. — Не на ту напали. Пусть я бедная, но я гордая..."

Но все же сбегала по красной плюшевой дорожке вниз, взглянуть, кто ей сигналил.

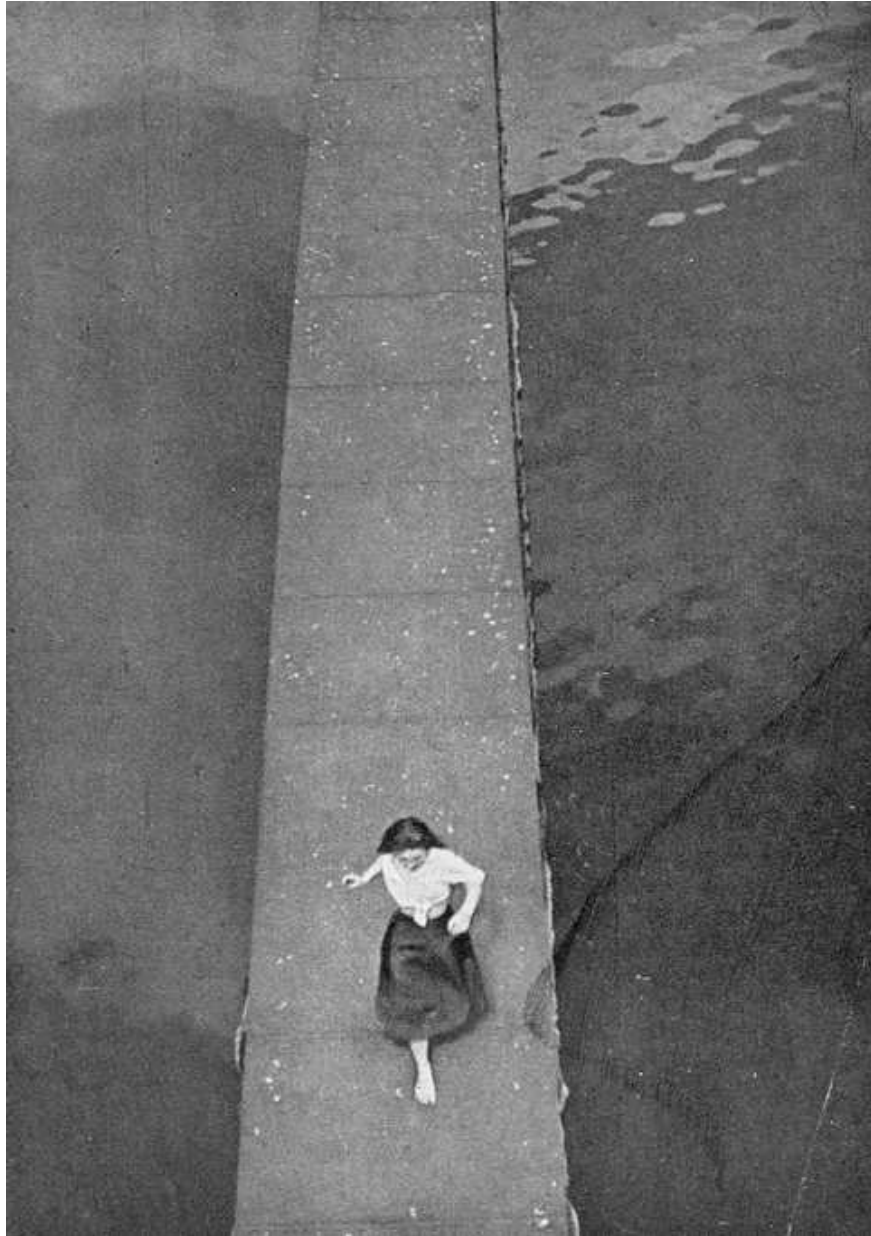
На улице на нее посмотрел необыкновенно красивый мужчина, сказавший:

— Вы босиком, вы забыли туфельки.

Она вернулась обратно, но найти их не могла. У нее был большой шкаф, снизу доверху набитый шелковыми чулками, а вот туфель нигде не было.

Между тем человек все сигналил и сигналил, а потом дал газ и уехал.

„Господи боже, — горько плакала она, — что же ты делаешь? Это был самый добрый человек из всех, что живут в этом большом городе, почему я, дурочка, не поехала с ним босиком?"

глаз

Нет, автомобильная катастрофа была в общем несерьезной.

Лишь одна синьора лишилась своего небесно-голубого глаза.

Горько оплакала один глаз другим и дала объявление в «Мессаджеро» :

„Куплю глаз
в хорошем состоянии,
небесно-голубой
с зеленоватым оттенком.

Предложения направляйте в редакцию,
готова уплатить любую сумму”.

Мадонна мия,
сколько тут пришло предложений!

Наконец даже нашелся
и нужный оттенок.

И операция прошла успешно.

Новый глаз
моргал
и слезился.

Умел смотреть уныло,
преданно,
с огоньком,
млеть от счастья
или утопать в блаженстве.

Но один едва заметный изъян
все же был у него:

точечка,
пятнышко,
крошечная клякса,
укрытая под роговицей.

Та клякса была похожа на маленькую
корку хлеба.

руки

Однажды один человек
разглядывал свои руки
и обратился к ним с такой речью:
— Руки мои дорогие,
к чему вы, собственно, мне?
Последнее дерево я срубил,
тому уже пять лет.
Последнюю женщину обнял,
как, бишь, ее звали?
На скрипке свое сыграл,
давненько уже, давно...
Руки мои дорогие,
к чему вы, собственно, мне?
Тогда правая сказала:
— Вытяни левую, непутевый!
А левая дала совет:
— Вытяни правую, невезучий!
Человек не хотел ни одной обидеть.
И вытянул обе.
Так, стало быть, и нашел им занятие.

милый боже...

Милый боже,
теперь, когда все благополучно кончилось —
благодаря тебе и главврачу доктору Бублику —
исполни еще одно мое желание:
сделай так, чтобы он пришел сегодня трезвым,
пусть, мой боже, он будет побрит,
внуши ему это, заведи в наш сад,
где сейчас цветут пеларгонии,
и шепни: „Нарви большой букет!“
Приведи его сюда, ты же знаешь, сюда ходит
двадцать пятый, я это только так, чтобы ты не забыл.
Верни ему его спокойный ясный взгляд,
который ты замутил, сам знаешь, почему.
Пусть он не будет таким одиноким,
когда мы можем быть вдвоем.

деньги

Раз в месяц или в год в какой-нибудь из точек мира находят старый, в трещинах горшок, а в нем сестерции или доллары, дукаты, гульдены или копу пражских грошей.

Горшок почти всегда сдают в музей, а вот одну монетку нередко получает химик-аналитик. Ее он взвесит, тщательно промоет, прожжет огнем и формулу напишет.

В той формуле ученый не пропустит ничего: крупинку соли, что попала с потом и слезами, след ржавчины от скопидомства, сухую каплю темной крови и жирное пятно от колбасы.

Ну, а затем, как правило, отметит, что и тогда на деньгах было много темной липкой грязи.

телефон

— Милая, — спрашивает один, — ты здорова?

— Пан Лоубал, — говорит другой, — штакетник
я для вас уже достал.

— Не могу, — хрипит третий, — у самого ни гроша,
где я на это возьму?

— Сестра! — кричит четвертый. — Не может быть,
сестричка! Сегодня в полпятого утра? Нет!..

— Конечно. — степенно толкует пятый, — Рамбоусек добудет.

— Подожди, Ян, не давай отбой! Почему ты вдруг заговорил на
"вы"? Ян!..

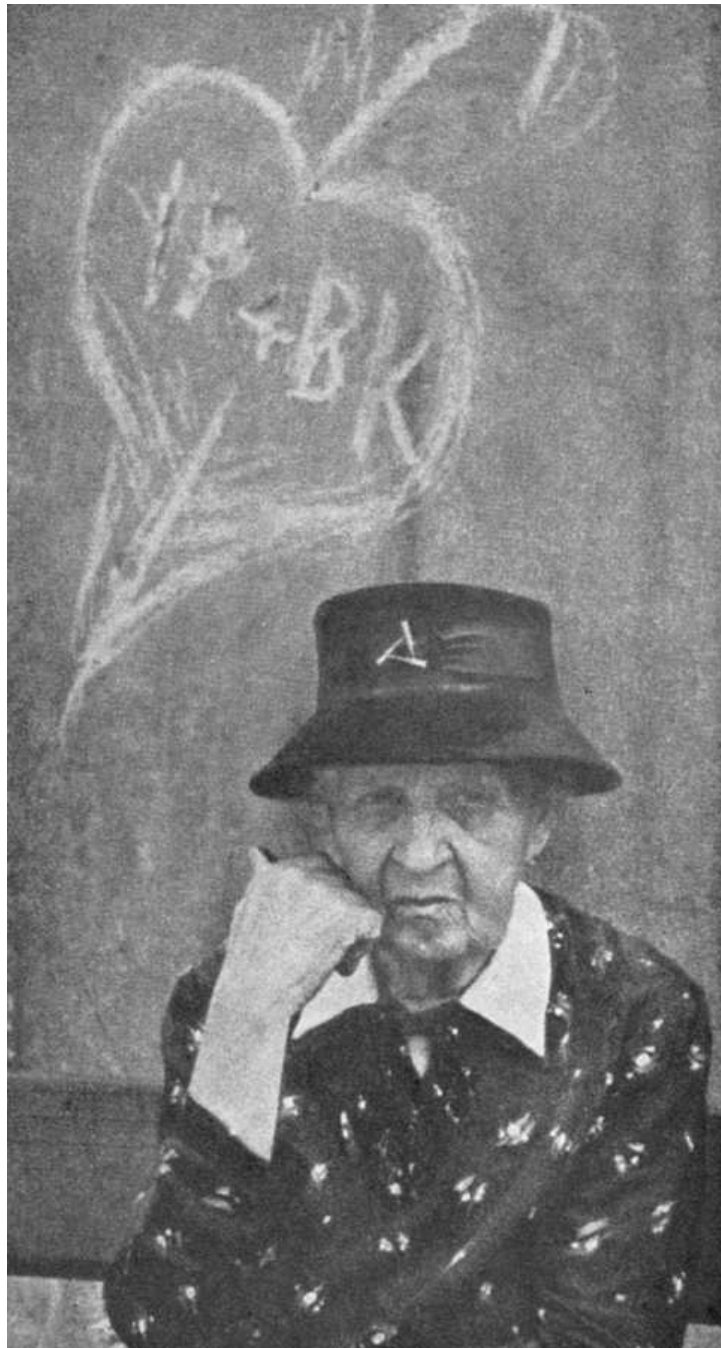
А тем временем седьмой ждет за стеклянной дверью:

„Позвонить, что ль, в пивную „У чаши"? Может, сегодня
у Швейка опять картофельные оладьи..."

блюз о квартплате

Кто ты такой, что так со мною споришь?
Кто ты такой, что так кричишь опять?
Что ты твердишь: квартплата, плата, пени...
А где же мне на ту квартплату взять?
Ты мне грозишь: в суде с тобой сойдемся!
Мне наплевать на все, я не пойду к суду.
Хотела бы я знать, как можно осудить
за цепь собачью, за собачью конуру?
Ты все твердишь: квартплата, плата, пени...
А может, спросишь: „Сколько же вам лет?“
Спроси еще: „Сегодня ели, пани?“
Спроси: „Еще вам светит этот свет?“
Давай присядем вместе на ступени,
да спрячь бумагу, она ведь стерпит все.
Спроси: „Где сыновья, где муж ваш, пани?“
Вы все им отдали или должны еще?“
Спроси: „Как это все случилось?“
А ну-ка, удивись: „А это, пани, вы?“
По этим вот ступеням все скатилось,
ты видишь, как они уходят вниз?
Ну что стоишь, как кавалер смущенный,
идем в подвал, в котором нету дна.
Идем со мною, человек казенный,
мой джентльмен, проводишь даму, да?

женатый

Я ей прямо так и сказал, ваше преподобие:
„Об этом, Верок, не может быть и речи,
он же женатый человек!"

А она все плакала, как окно в ноябре,
и только говорила:
„Я знаю, дедушка,
но что же мне делать?"

Я ей сказал: „Верочка, родная,
в жизни все проходит, остывает,
и потом с трудом вспоминаешь,
как выглядел тот, кто был тебе дорог,
и сам удивляешься,
что целых три месяца подряд
ходил по пять километров
на почту — туда и обратно,
так и не получив ни одного письма".
А Вера мне сказала: „Дедушка,
я с собой что-нибудь сделаю".

Вечером я заглянул к ней в спальню,
она спала и так дышала,
так прерывисто, ваше преподобие,
как маленькая. Как слабый бегун,
которому не добежать до финиша.
Ведь такие слабые бегуны
ничего не могут выиграть.
Или могут, ваше преподобие,
что вы так улыбаетесь?

мужчины

— Я бы как-нибудь привыкла, — сказала девчонка, опираясь на костыль, но ведь мужчины всегда смотрят на ноги.

— Кто тебе сказал? — спросил мальчик. — Что за чепуха! Зачем разглядывать женщинам ноги?

— Я об этом знаю давно, — ответила девчонка. — Сперва мужчины смотрят на ноги, а потом уже только заглядывают в лицо.

— Я бы должен был об этом знать, — прошептал мальчик. — Я же мужчина.

— Ты? — печально улыбнулась одноногая. — Ты еще мальчик.

блюз о кофейной гуще

Я дам себе отдых, сегодня должно получиться,
буду сама с собою, уходите все прочь,
как хорошо — в двери никто не стучится,
и черная женщина может иметь свою ночь.
Вот придет вечер, сварю себе кофе,
свой густой кофе, черный как я,
брошу четыре кусочка сахара,
табак и кофе, это — любовь моя.
В старой чашке густой осадок,
вот потеха, он правду расскажет мне.
Черной жизни моей остаток
черной гущей лежит на дне.

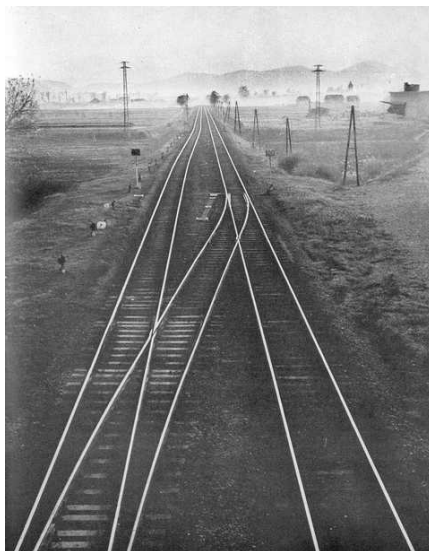

пара

Это ужасно, — когда трогается поезд.
это ужасно, — когда поезд отходит от перрона,
и Вчера превращается в облако пара
со всем великолепием игры в словечки,
долгого ожидания на углу, скатерти в пятнах,
переплетающихся пальцев,
воды, пепла, яиц вкрутую, самолюбия,
сдавленного спазмами горла,
и, о боже, с внезапно и нежно запрокинутой головой,
с пенящимся, черным и горьким кофе любви,
заваренным на скорую руку и выпитым залпом.

Это самое ужасное,
когда вчера превращается в пар
и сегодня и завтра...

Можно пойти и купить свежую газету
и пару пачек сигарет,
сто грамм салата „оливье“
и полбатона, — это да,
сегодня еще да,
а что же завтра?
Кто раздвинет утром занавески?
Кто скажет: „Ну и льет... как из ведра!
Это ты? Это твоя голова на моей подушке?“

краса

Случилось как-то — это было в Париже
и прямо в Эйфелевой башне! —
на конкурс красоты пришла сама Краса.
Денег на вход у нее, разумеется, не было,
и внутрь ее не пустили.
Краса печально спустилась по винтовым ступенькам,
перешла по мосту через Сену
и присела на лавочке близ Трокадеро.
Рядом сидели влюбленные,
и девушка говорила:
— Антигона — мой идеал! —
а сама думала: „Опять спустилась
петля на чулке“.
Тем временем конкурс закончился
и была избрана
Мисс Универзум.

Получила чек на 50 000 франков,
поплевала на него на счастье
и засунула за лиф из пенопласта.
„Ах, — говорила себе Краса, —
мне так хочется кого-нибудь иметь. Право пора...“
На нее уже давно никто не засматривался.
Она была немного старомодна в своей одежде —
скорей мужской, чем женской,
в костюме из зеленого вельвета,
в простых застиранных чулках и башмаках,
слишком стоптанных для женщины,
в которых она ходила, точно Чарли Чаплин.
Никто не знал ее настоящей улыбки —
улыбки князя Мышкина, Дона Кихота,
девочки со спичками, Маленького принца.
Она очень редко так улыбалась,
и никто не видел этой улыбки,
потому что в такие минуты
вокруг всегда стояла темнота.

марихуана

Светит лампочка в окне от поздна до рана,
марихуана, марихуана.
а постель, постель не стлана,
марихуана.

И проигранная ночь, в сердце — рана,
марихуана, марихуана,
почему твоя постель никогда не стлана?..
Марихуана.

А что мне остается? Ну, что мне остается ?
Поднимусь, я жива еще, мне сдается.
Ах, не хочется, дети,
не хочется мне, не хочется...

проданная невеста

Я его, папочка, ни разу не видала,
ну того, что должен меня взять.
А какой я буду у него по счету?
Я не дорогая? А меня полюбит твой любимый зять?

Все ж скажи мне, папа, я которой буду?
Где бычок, ну тот, что дочкой стал тебе?
Я ему, папочка, постелю подстилку,
точно же такую, что стелил ты мне.

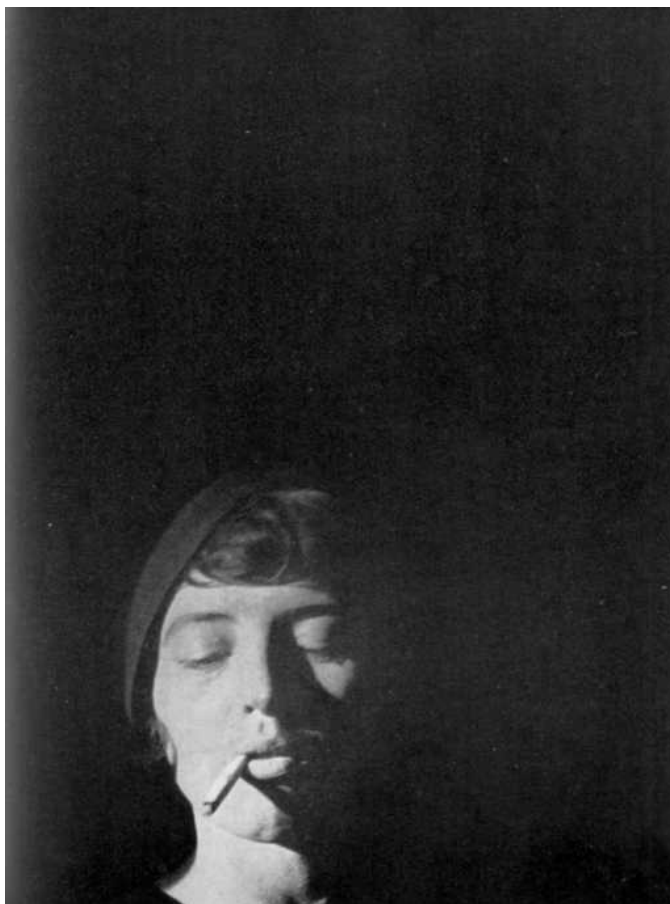
Рано утром, паночка, замычит теленок,
ты ему поласковой: „Уж бегом бегу!“
— Что мычишь так грустно, — спросишь ты спросонок, —
разве тебя, дочка, я не берегу?

сигарета

Не отнимайте у женщин сигареты,
я вам серьезно говорю.
И сами подносите спичку, не ожидая просьбы.
Им нравится любой огонь, даже самый крохотный,
любой огонь, игра с огнем,
красная точка, тускло пронизывающая темень.
Поэтому не берите у них сигареты,
они любят курить вдвоем
и смотреть на вас сквозь облачко голубоватого дыма,
чтобы знать, как вы к этому относитесь
и достаточно ли вы серьезны в темноте,
незаметно переходящей в рассвет.
Они всматриваются в вас, освещая огоньком сигареты,
это их фонарик.

Бывает, сигарета погаснет у женщины во рту,
и поблизости не оказывается никого, кто бы мог снова
дать ей огня.

очередь за счастьем

В одном городке, да, это было в Испании,
люди терпеливо стояли в очереди за счастьем.
Счастье отпускали в кулечках, взвешенных заранее,
в маленьких фунтиках из целлофана с надписью „Фелицитас“.
В каждом фунтике было стеклышко с радугой, пряник,
пучок душистой травки, монетка и по одному молочному зубу.
Словом: сто граммов счастья.
Некоторые стояли в очереди с самого рождения.
Иногда то одна, то другая из женщин, ожидавших счастья,
говорили соседям:
— Будьте добры, я стою за вами (или: перед вами),
я сейчас вернусь,
я только сбегая за хлебом,
или отлучусь на свадьбу, или мне надо на похороны.
Не забудьте, я стою за вами, мучас грациас!
И шла на берег, чтоб прилечь у моря,
где волны днем и ночью омывают гальку,
и пена нежно гладила ее уставшие ступни.
И говорила про себя: „Если бы не в очередь за счастьем,
я была бы совсем счастлива...“

роман

Городок наш небольшой. Местечко.
Но есть в нем все, что положено.
Окна, на подоконниках которых
проветриваются перины.
Окна, распахнутые в жаркую ночь,
ратуша, школа, почта, мясная лавка,
свежевыкрашенный жандармский участок,
гарнизон и городская кутузка,
небольшой, прошу прощения, бордель,
большой собор с башней, на башне —
колокол, что звонит по умершим,
и зеленое кладбище.
Словом, городок наш маленький,
но все чин-чином.
Все улицы — с названиями,
и ведут от ратуши к борделю,
от собора к тюрьме и обратно.
Вот недавно опять приехал один писатель и говорит:
— Тетушка, говорит, расскажите мне о себе.
Ведь ваша жизнь, наверно, увлекательный роман...
А я ему сказала:
— Начни с борделя, милый, пройди к казармам,
а потом на кладбище.
Это и есть мой роман.

прошу прощения

Мой любимый, еще не рожденный,
сейчас я тебе объясню, что такое бомба.

Однажды, перепахивая землю, возможно, вы наткнетесь на такую
длинную железную сигару.

Скажем, на ней будет написано: „Бог в помощь!"

Или: „Мерри Крисмас".

Или: „Счастливого пути!"

Или: „Привет и поцелуй из Рура!"

Не думай, любимый, что мы, твои предки, не понимали шуток.

Мы были веселая шатия, разухабистые ребята.

Остряки.

Так будь здоров, потомок, „Мерри Крисмас"!

Ну, а если она все-таки взорвется, ты уж будь любезен, не взыщи.

Прошу прощения!

судьба

В одном музее была современная статуя,
занесенная в каталог под названием „Судьба“.

Перед ней долго стоял студент, изучавший геодезию,
и говорил про себя:

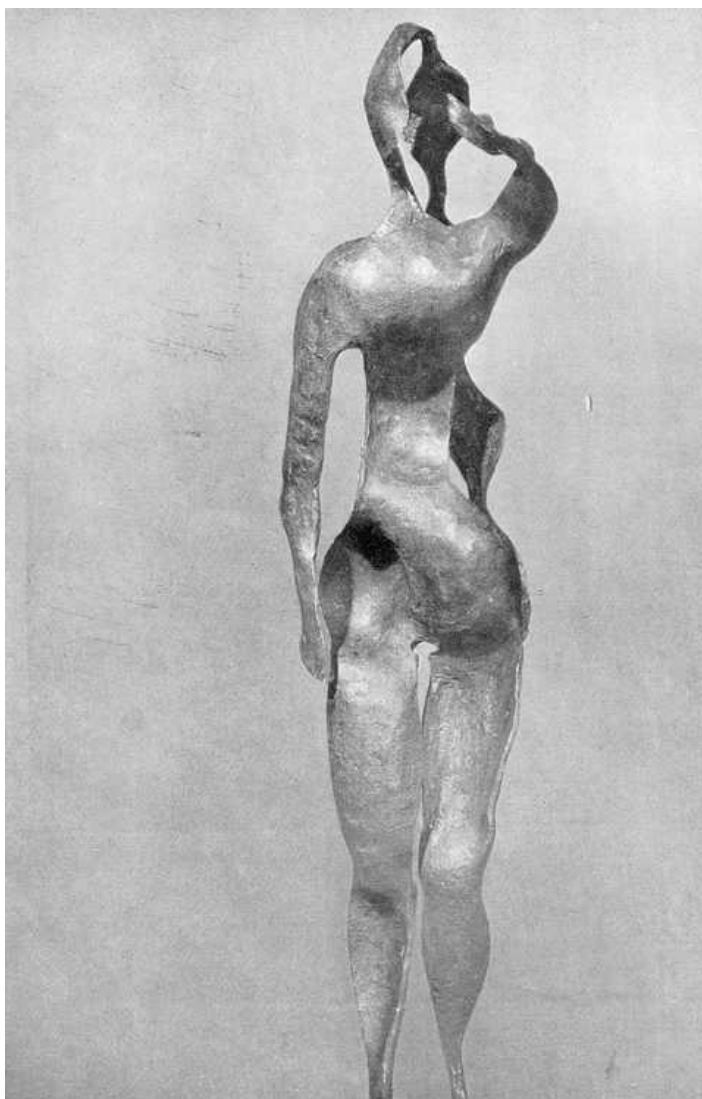
„Судьба? Этого мы еще не проходили“.

Ночью он видел сон об этой редкой по красоте скульптуре.

Статуя была выше, чем небоскреб. Проходила между людьми
по широкому бульвару и то одного, то другого поднимала
над землей. Ставила его на длинную узкую бронзовую ладонь,
пристально вглядывалась холодными бронзовыми глазами и
шептала :

— Это он? Нет.

И переворачивала ладонь, и человек снова падал на асфальт.

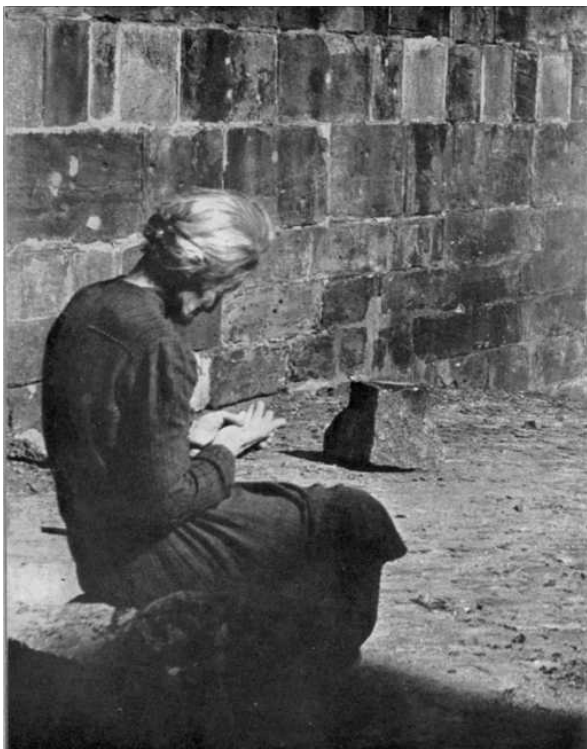

правда

Иногда от нечего делать
люди начинают спорить,
какова же она —
правда?
Один бойкий юноша,
попросивший слова в подобном споре,
сказал:
— Я знаю, где она живет, она прекрасна.
— Да иди ты... — сказали ему, — иди...
Юноша понял это буквально и пошел.
Между прочим, он и впрямь знал,
где живет правда.
Ему сказал об этом дядя,
отставной полковник, служивший прежде
в разведке и живший ныне на покое
где-то рядом.
Юноша подстерег правду на углу перед домом.
Она как раз выносила золу из печки.
Остановил ее и сказал:
— Простите, я знаю о вас все. Вы — правда,
пожалуйста, не отпирайтесь.
И пристально в нее взгляделся
и к огорчению увидел,
что она ни капли не красива.
Правда была старой, облезлой,
изрядно потрепанной жизнью.
Все ее знали в этом переулке,
названном в честь одного депутата,
и даже перестали с ней раскланиваться.
— Ах, — сказал юноша, — я оказался
в глупом положении, пани.
Если вы и в самом деле правда, то я влип !
Вот уж не думал, что правда так стара
и так обычна. Прошу прощения.
Как опишу я вас своим друзьям?
Я заключил пари, что вы прекрасны!

— А ты соври, дружок, — сказала правда. —
Скажи: „Я встретил правду,
ну и фигурка!
Какие бедра, какие икры,
упругие как сбитень!
И величаяя осанка, и выступает ровно пава!
Ох, девка, братцы, пальчики оближешь,
секс-бомба, факт!"
— Ври, сколько влезет, милый, — сказала правда. —
Трави на всю железку! —
и с горечью, о боже, с такою горечью
смотрела ему вслед,
пока он проходил по переулку,
ведущему к центральному проспекту.

Он внял ее совету
и стал специалистом
по части правды.
Теперь он знал о правде все.

ладонь

Людская ладонь — это карта,
военная карта, усеянная таинственными значками.
Вот тут проходит главная дорога, внезапно обрываясь
где-то в поле —
ее называют линией жизни. Допустим...
А там — подземная река, она то исчезает, то выныривает вновь.
А вон — проселок, который, право же, не балуют ремонтом,
ведь по нему еще тряслись кареты, дилижансы, ландо из
наших детских книжек.
Вот здесь межа, там борозда, тропинка, что бежит лугами,
и если приглядеться, то увидишь, как по ней бредет,
босой и маленький, разбивший в кровь колени,
человек.
И сплошь развилки, сколько их, развилок,
на розовой, омолаживающей вечно коже!
Тут лес с опушкой, высота, а тут церквушка,
тут мост, а там туннель, вот здесь — запасный путь,
в тупик ведущий,
и вновь скрещение дорог...
Чтобы читать эту карту,
не надо быть генералом.
Такое по плечу любому пехотинцу.
Он говорит себе: „Эх, карта, куда ты меня завела?“
Он говорит: „Карта, я был хороший тактик?“
„Я работал, — говорит он, — смотрите, вот мои руки,
вот карта всех моих дорог.
Повсюду я не мог поспеть“.

картинки

Китайский крестьянин впервые ехал поездом.

Все ему нравилось.

Но больше всего — картинки в окне.

Природа, эта художница,
не знающая себе равных,
рисовала их китайской тушью:

пухленькие облачка,

округлые холмы,

миниатюрные замки,

одинокие джонки, затерявшиеся

на глади фиолетового озера.

— Если бы я знал,

кто меняет эти картинки в деревянной раме, —

сказал себе крестьянин, — если бы я знал

того, кто меняет картины в деревянной раме,

я б ему, наверное, сказал:

„Сколько вы возьмете, сударь, за одну картинку?“

За маленькую картинку с юношей в лодке

(покачивающейся на дорожке, проложенной во мраке лунным светом),

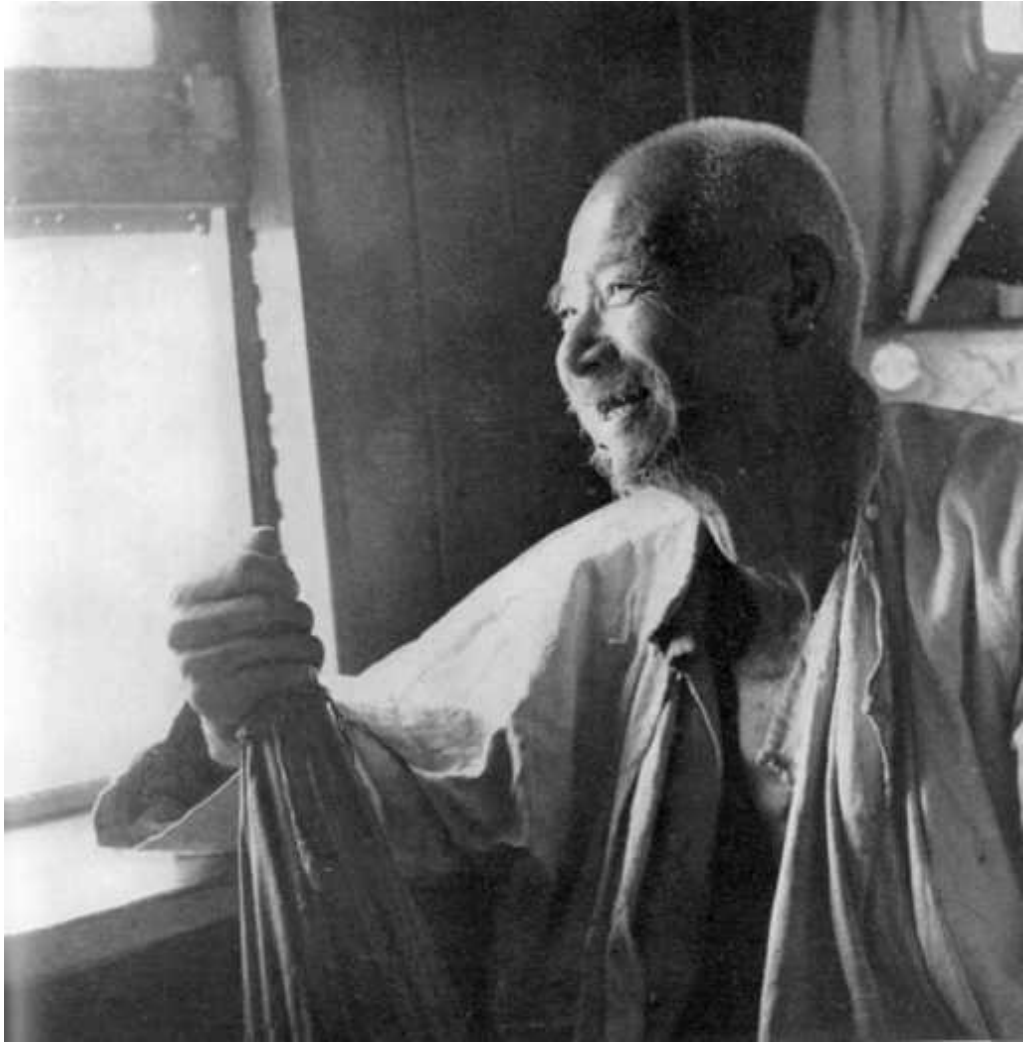
который напрягает слух и слышит с берега далекий

слабый голос: „Любимый, ты гребешь ко мне?“

Зачем же, сударь, вы так часто меняете картинки?

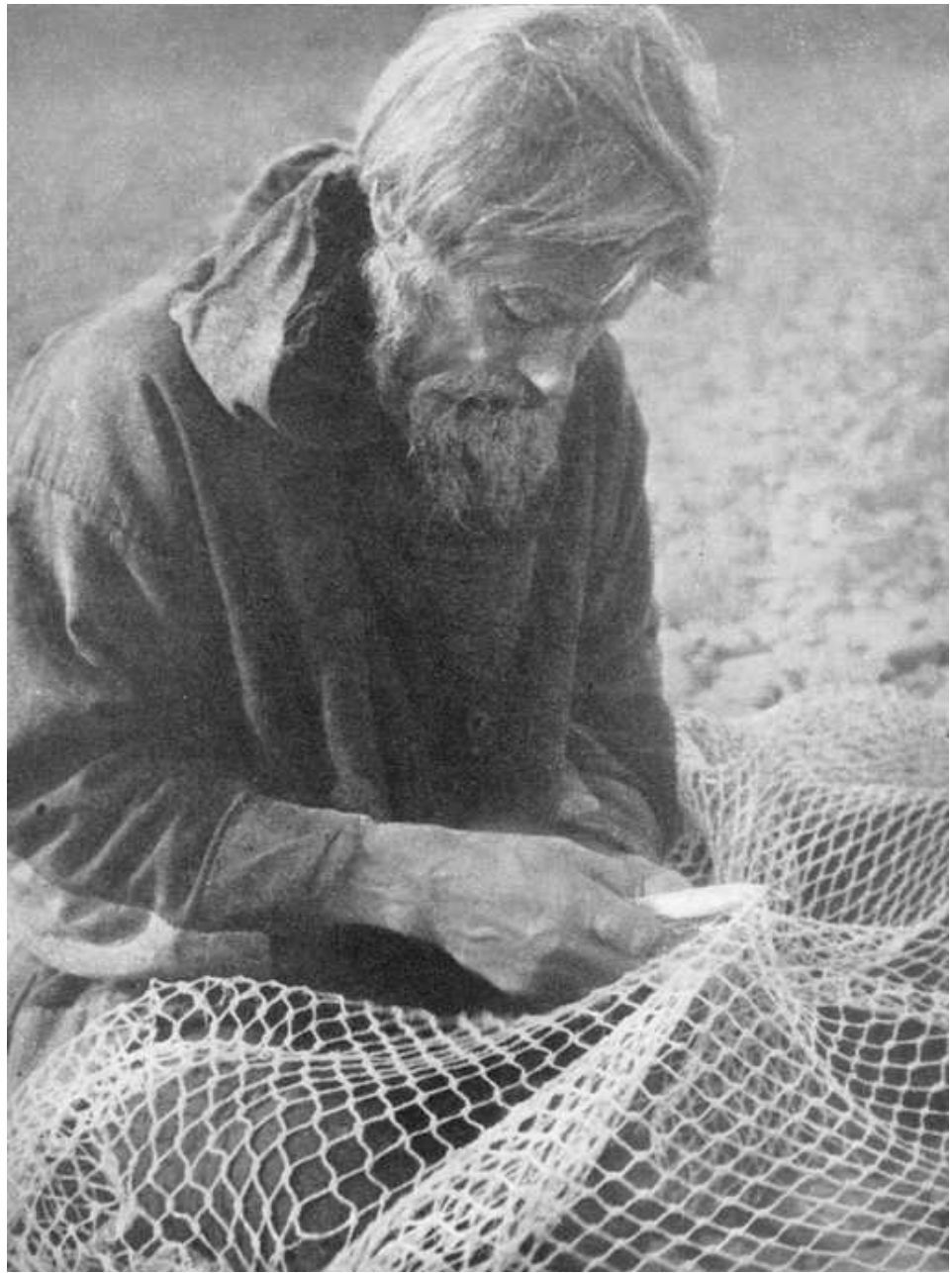
Почему хотя бы одну из них, хоть самую маленькую

нельзя оставить до конечной?

пророк

Пока я тут занят починкой сети,
хочу сообщить вам новость:
снова отозвался старик Галлей,
астроном.
Он все живет на той комете,
которую когда-то сам же и открыл.
Помните, ее еще называли
„косматая“,
и „бич человечества“,
и „божье наказание“.
Квартирка у него в самом низу,
в пылающем хвосте.
С центральным отоплением,
горячей водой
и газом.
У Галлея и его кометы
джентльменское соглашение:
комета будет его даром возить —
за то, что он ее открыл,
а старик Галлей
раз в семьдесят девять лет
может сверху посмотреть
на старую добрую Англию.
Такой у них, стало быть, уговор.
Значит, пока я тут занят сетью,
хочу вам сказать,
что старик прилетит в 65-м.
Смотрите,
чтобы мы еще здесь были.
Было бы глупо подвести старика.
Представляете, как он будет расстроен,
если не найдет то место, где играл в гольф,
свой клуб или Лондон?
А потом у нас снова будет время:
целых семьдесят девять лет.

коммуникации

Должно быть, особый характер был у человека. У того, кто первым ударил в барабан. И впрямь особый характер, ведь знал, что кто-то его услышит!

Никто не бьет в барабан просто так, для себя.

Разве что дождь и дети.

Видно, страстный был человек и страстно чего-то желал; а, может, страстно боялся...

Видно, до этого он кричал, но джунгли поглотили его крик.

Тогда он взял палку и начал бить по дереву.

Там-там.

Тут-тут.

Многое изменилось с той поры. Погасли огни на вершинах гор, и тамтамы гулко звенят в ритме танца, отдавая почести английской королеве или советскому премьеру.

Но не в этом дело, коммуникации действуют безотказно.

Точно старый горшок проволокой, свет обмотан паутиной электромагнитных волн. В каждой камерке, в палатках и пещерах, разливаясь, плещется море радиопередач для женщин, музыкальных дуэтов и репортажей с чемпионата по хоккею.

В темноте мерцают магические глаза, и пальцы радаров ощупывают облака.

Мы слышим, как бьется сердце пса, который летает вокруг земного шара, и знаем, в какое время ему был подан завтрак.

Мы плаваем в море невидимых импульсов и впечатлений.

Достойные смеха пловцы! Ведь и за спинами мировых рекорсменов море тотчас смыкается вновь...

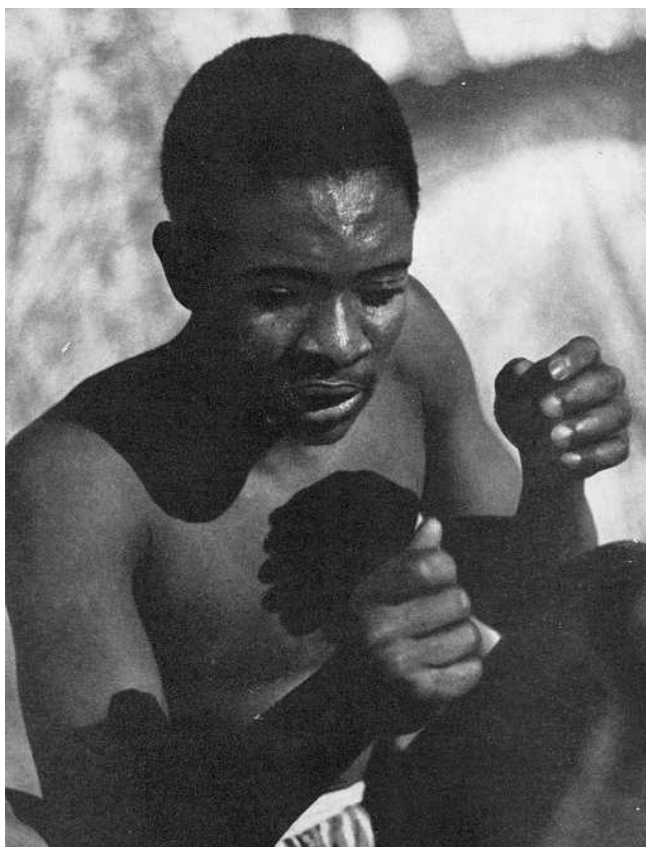
Коммуникации работают безотказно, это верно.

А за столом сидят двое — локоть к локтю и даже колено к колену,

и часто один не знает, что думает другой. Просто не настроен на его волну.

И когда в одном тревожно гудят барабаны и полыхает пламя возбужденных нервных токов, другой испытывает

отчаянную скуку...

памятник

В компетентной подкомиссии ЮНЕСКО уже несколько лет лежит проект доктора архитектуры профессора Тео Пишториуса, заслуживающий экстренного рассмотрения: на двадцатиметровом обелиске из синтетики — стремянка, на самом ее верху — прыщеватый подросток, еще не вышедший из этого прискорбного возраста. В руках у него коробок спичек (0,7x1, 8x2,5 метра), и одной спичкой он с робкой улыбкой пытается поджечь стремянку. На обелиске надпись из чистого плутония: "Человечество"

старое доброе время

Наступит время, и вместо замков шкафы будут с фотоэлементами.

Бабушка подойдет, даже не пошевелит пальцем, и шкаф откроется сам собой.

Налетят внуки. А крику сколько!

— Ой, у тебя там еще магнитофон! С кнопками! Баб, чего ты его не выбросишь?!

„Да, — подумает бабуся, — я бы вам его включила, послушали бы, что мне нашептал дедушка, и навздыхал, и немножечко напел.

Но я стесняюсь".

И лучше сядет за рояль, который будет таким же черным и почти таким же белым, как в прошлом веке, и сыграет им старенький рок-н-ролл. И все будут говорить:

— Какая в прежние времена бывала музыка, такая нежная, тонкая и ненавязчивая...

И все начнут вспоминать давнее прошлое —

эпоху первых атомных реакторов, старинных спутников, желудочных зондов и далеких от совершенства бормашин.

На их лицах появятся слегка сентиментальные и лишь чуточку иронические улыбки людей, вспоминающих старое доброе время.

сотворение мира

Была одна девочка, совсем еще маленькая,
и эта девочка сильно плакала.
Вы уж меня извините, сидела на горшочке и
горько-прегорько плакала.
Звали ее Ева. Ладно?
Прошло полтора часа, и никто не знал,
почему она плачет.
— Ева, — говорю, — дай мне немножечко твоих слезок,
я их спрячу в маленькую черную шкатулку.
Девочке это понравилось.
Она мне их наплакала целую чашечку, потом перестала
и говорит:
— Мама мне сказала, что я тоже буду мама.
И у меня будет мальчик, кудрявенький такой, хороший,
и еще девочка — толстушка и хохотушка.
И теперь я боюсь:
а вдруг с ними что-нибудь случится?!
И оттого плачу.
Дядя Людвик, давай мы с тобой сами сделаем такой мир,
чтобы в нем никто не боялся!
Мы принялись за работу и сделали его.
На славу мир удался.
Он был из пластилина, весь красный. Снаружи и внутри.
Вулканов мы делать не стали, про границы забыли,
казармы у нас не поместились, для тюрем места тоже не
осталось.
Мир этот Ева взяла с собой в постельку,
а я пошел домой и включил последние известия.

голубые глаза

Вот видишь, Маня, а ты боялась. Я, правда, тоже боялась, но тогда мне было не до этого. Мне надо было, доченька, коров подоить да свиней накормить, а меня еще животом попрекали и говорили:

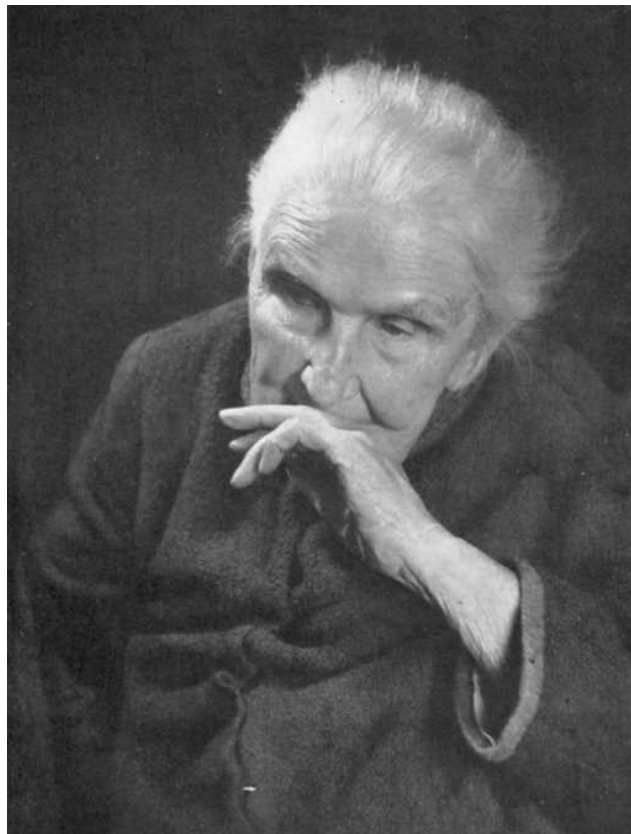
— Не могли до свадьбы подождать?!

А когда придет Франтишек, глянь на него ласково, да ты сама знаешь, не мне тебя учить, и смотри во все глаза, как он на тебя посмотрит и что скажет сначала, а что потом. И бабы, что с тобой в одной палате, пусть говорят: „вылитый отец". И что, значит, нос его, и смеется, как он.

За молоко не бойся, молока у нас всегда хватало.

А когда будешь давать грудь и станешь с ним говорить, разговаривай с ним ласково и не спеша. Скажи ему:

— Бабушка велела передать, что все тебе на этом свете рады, солнышко ты наше ясное, мужичок синеокий, крикун бессердечный.

съезд

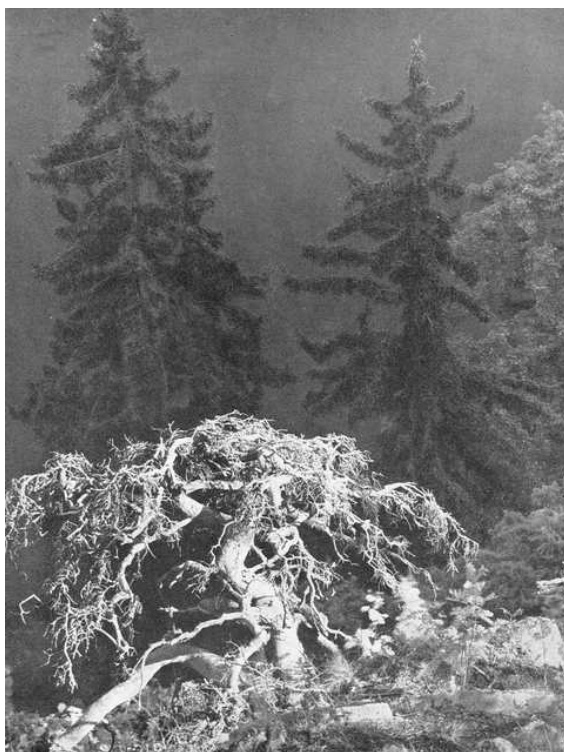
В одном небывало большом загородном ресторане,
был то, собственно, даже не загородный, а лесной ресторан,
где груши „дюшес" подавались прямо с дерева,
а форель — из бурного горного потока,
сверкающего загадочным серебром,
косули — на вертеле, куропатки — на шпажках и
каштаны — на древесных углях...
в этом лесном ресторане,
где стульями служили пни силою срубленных деревьев,
собрались сверстники.
Все — родившиеся в один день,
один час
где-то на нашей планете.
Улыбчивый багрянец заката
тлел, словно костер
из пламени листьев, прозрачного дыма
и бурых веток, залитых
Солнцем.
Репродукторы, укрытые в кронах деревьев,
звали к столу:
„Появившиеся на свет в один день и час,
вы здесь?"
„Здесь", — ответ их слился в один голос,
и этот голос был мужским, потому что женщин среди них не
было.
„Займите места за столом!" — велели репродукторы.
Сверстники сели, где оказалось место.
Так случилось, что рядом с маленьким господином
с большим брильянтом
сел сухонький человек с выбитыми зубами;
возле молодого итальянского епископа в нейлоновой сутане —
молодой индеец, которому родители перебили ноги,
чтобы у него была профессия,
потому что в Индии быть нищим —
это все же кое-что да значит;
рядом с владельцем бакалейной торговли, сожалевшим,

что он не предложил съезду свой запас залежалого фазаньего паштета,
сидел алжирский повстанец
с кожей, сожженной напалмом.
И все поздравляли друг друга, что родились в этом мире,
который так щедр на причуды:
в один и тот же день он дал увидеть свет
будущему Бетховену, юному убийце хозяйки табачной лавки,
миссионеру, внуку Круппа,
повару экс-короля Альфонса XII,
владельцу тюльпанных плантаций из Наардена,
командиру зондеркоманды из Дюссельдорфа,
трубачу из джаз-банда, фельетонисту из „Манхеттен-Ньюс“,
создателю атомной прачечной,
артисту-кукольнику, служителю из анатомички, герою-
полярнику,
наемному танцору, чемпиону по вольной борьбе и астронавту.
В лесу стемнело, ночь жадно допивала его свет большими
глотками,
и в больших деревянных подсвечниках загорелись огоньки,
зажженные тихо снующими слугами в зеленых охотничьих
куртках.

И тогда, чтобы участвовать в беседе,
сюда пришли родившиеся в тот же день
и в тот же час
лишившиеся жизни:
повешенные ночью, казненные к утру,
живьем зарытые, поднятые на штык,
тихо отравленные газом, заморенные голодом,
сведшие счета с жизнью,
бросившись с „Эмпайр Стейт Билдинг“,
убитые несчастною любовью,
горем от ума или же счетом за квартиру.

Новые гости были в огоньках,
слегка мерцающих на легком ветерке;
внезапно вышел... нет, выплыл

голубовато-белый Месяц,
который все народы звали одинаково — Луна.
Астронавт встал, поднял бокал со старым рейнским
и холодным лунным светом.
— Я поднимаю этот тост, — сказал он, —
за наше человечество и его славу,
за человечество,
которое сейчас готовится к тому,
чтоб его домом стали
все галактики.
Ура!

земля!

Одним туманным ранним утром, горевшим приглушенным светом,
когда все в зеленоватой дымке и лужи, как подслеповатые зеркала,
я оказался близ старой школы, пристроившейся на отшибе.
Этот особенный зеленоватый сумрак ложился на ее оконца,
особенный зеленоватый сумрак, как в старом календаре.
Я заглянул в одно окошко, укрытое густым вереском.
Такого удивительного класса никто из вас еще не видел.
Пустая черная доска, географическая карта, большое чучело орла,
небесный синий глобус и старая учительница...
— Маленький Колумб, Людвиг Бетховен, малыш Эйнштейн,
Виллюша Шекспир, Володечка Ульянов, Машенька Складовская, —
так вас вызывала старая строгая учительница.
— Христофор, что ты там вытворяешь с яйцом? Спрячь его на завтрак.
Альберт, пригладь свои вихры! И что ты увидел за окном?
Небо? Видишь, Альберт, я тебе всегда говорила.

Вилюша, что у тебя под партой? Опять играешь в театр?
Вам не нравится в школе? Ничего не поделаешь, дети.
Нет ничего, кроме школы, всё школа — с начала до самого
конца.
Еще немножко, совсем немножечко осталось потерпеть.
Приближается ваша зрелость, дети. Вас ждут университеты.
Будьте хоть немного послушными, перестаньте драться на
переменках.
За работу, дети, за работу. Альберт, не трогай Машу!
Колумб, оставь свое яйцо, яйцо не для игры!
Такая удивительная маленькая школа, устроившаяся на отшибе...
Как шатка она, эта школа, точно старый парусник,
точно старая "Санта-Мария", плывущая навстречу незнакомым
берегам,
вперед, лодчоночка, вперед, наше утлое суденышко,
уже слышен запах дыма новых огней, приближается шум
световых далей,
Христофор не знал географии, у Людвига была двойка по пению,
вперед, суденышко, вперед, всегда найдется кто-нибудь,
кто снова закричит:
— Земля!

Для этой книги любезно предоставили фотографии: Чехословацкое телеграфное агентство, фотографы М. Гуцек, К. Фишер, И. Марко, Л. Небор, Г. Ржегакова, Д. Гохова, И. Грабе, К. Людвик, О. Клейн, В. Хохола, П. Ланда, Т. Гонти, Я. Вшетечка, А. Шоуркова, Я. Иреш, И. Еничек, Я. Цифра, К. Плицка, И. Ваниш, И. Фиала, М. Бурианек, К. Гаек, М. Новотный, И. Бартушек, К. Грубый, И. Садил и фотоателье Объединения бытовых услуг города Гумполец. Издательство выражает глубокую благодарность авторам, а также Г. Ржегаковой и К. Полачковой, которые вложили много труда в подборку фотоснимков.